

191	0159-01	ИОСИФ БРОДСКИЙ	"Чистосердечный дар"	Часть 1 «Меж голосом и эхом»
192	0159-02	ИОСИФ БРОДСКИЙ	"Чистосердечный дар"	Часть 2 "В темноте"
193	0159-03	ИОСИФ БРОДСКИЙ	"Чистосердечный дар"	Часть 3 "Рождественский гусь"
194	0159-04	ИОСИФ БРОДСКИЙ	"Чистосердечный дар"	Часть 4 "Для суетности века"

Часть 1 «МЕЖ ГОЛОСОМ И ЭХОМ»

1. Пилигримы	- 1.46
2. Боги и быки	- 1.23
3. Малая родина	- 1.30
4. Запрягай коня	- 1.25
5. Орфей и Артемида	- 1.31
6. Значит, это весна	- 1.54
7. Март	- 1.05
8. Меж голосом и эхом	- 1.26
9. Натуральная тьма	- 2.24
10. Связующее легкое звено	- 2.36
11. Через два года	- 1.08
12. Пророчество	- 2.52
13. Наполовину	- 1.49
14. Ночь	- 1.58
15. Арифметика	- 1.34
16. Усталость	- 1.28
17. Нельзя удержать тепло	- 2.19
18. Вечер	- 1.16
19. Осень	- 2.42
20. Зарешеченная тюрьма	- 1.39
21. Перегородка	- 1.08
22. Так долго вместе	- 3.09
23. Грусть	- 2.03
24. Элегия	- 1.29

Общее время звучания – 43.34

Общее время звучания – 179.32

СОДЕРЖАНИЕ

1. ПИЛИГРИМЫ

Мимо ристалищ, капищ,
 мимо храмов и баров,
 мимо шикарных кладбищ,
 мимо больших базаров,
 мира и горя мимо,
 мимо Мекки и Рима,
 синим солнцем палимы,
 идут по земле пилигримы.
 Увечны они, горбаты,
 голодны, полуодеты,
 глаза их полны заката,
 сердца их полны рассвета.
 За ними поют пустыни,
 вспыхивают зарницы,
 звезды встают над ними,
 и хрипло кричат им птицы:

что мир останется прежним,
 да, останется прежним,
 ослепительно снежным
 и сомнительно нежным,
 мир останется лживым,
 мир останется вечным,
 может быть, постижимым,
 но все-таки бесконечным.
 И, значит, не будет толка
 от веры в себя да в Бога.
 ...И, значит, остались только
 иллюзия и дорога.
 И быть над землей закатам,
 и быть над землей рассветам.
 Удобрить ее солдатам.
 Одобрить ее поэтам.

2. БОГИ И БЫКИ

Каждый пред Богом наг.
 Жалок, наг и убог.
 В каждой музыке Бах,
 в каждом из нас Бог.
 Ибо вечность – богам.
 Бренность – удел быков...
 Богово станет нам
 сумерками богов.
 И надо небом рискнуть,
 и, может быть, не попад.
 Еще нас не раз распнут
 и скажут потом: распад.
 И мы завоем от ран.
 Потом взалкаем даров...
 У каждого свой храм.
 И каждому свой гроб.
 Юродствуй, вори, молись!
 Будь одинок, как перст!..
 ...Словно быкам – хлыст,
 вечен богам крест.

3. МАЛАЯ РОДИНА

Я родился и вырос в балтийских болотах, подле
 серых цинковых волн, всегда набегавших по две,
 и отсюда — все рифмы, отсюда тот блеклый голос,
 выющийся между ними, как мокрый волос,
 если вьется вообще. Облокотясь на локоть,
 раковина ушная в них различит не рокот,
 но хлопки полотна, ставень, ладоней, чайник,
 кипящий на керосинке, максимум — крики чаек.
 В этих плоских краях то и хранит от фальши сердце,
 что скрыться негде и видно дальше.
 Это только для звука пространство всегда помеха:
 глаз не посетует на недостаток эха.

4. ЗАПРЯГАЙ КОНЯ

Пришёл сон из семи сел.
 Пришла лень из семи деревень.
 Собирались лечь, да простыла печь.
 Окна смотрят на север.
 Сторожит у ручья скирда ничья,
 и большак развезло, хоть бери весло.
 Уронил подсолнух башку на стебель.

То ли дождь идет, то ли дева ждет.
 Запрягай коней, да поедем к ней.
 Невеликий труд бросить камень в пруд.
 Подопьём, на шелку постелим.
 Отчего молчишь и как сыч глядишь?
 Иль зубчат забор, как еловый бор,
 за которым стоит терем?

Запрягай коня да вези меня.
 Там не терем стоит, а сосновый скит.
 И цветет вокруг монастырский луг.
 Ни амбаров, ни изб, ни гумен.
 Не раздумал пока, запрягай гнедка.
 Всем хорош монастырь, да с лица – пустырь
 и отец игумен, как и есть безумен.

5. ОРФЕЙ И АРТЕМИДА

Наступила зима. Песнопевец,
 не сошедший с ума, не умолкший,
 видит след на опушке волчий
 и, как дятел-краснодеревец,
 забирается на сосну,
 чтоб расширить свой кругозор,
 разглядев получше узор,
 оттеняющий белизну.

Россыпь следов снега
 на холмах испещрила, будто
 в постели красавицы утро
 рассыпало жемчуга;
 Среди рощ и дорог
 перепутались нити.
 Не по плечу Артемиде
 их собрать в бугорок.

В скобки берет зима
 жизнь. Ветвей бахрома
 взгляд за собой влечет.
 Новый Орфей за счет
 притаившихся тварей,
 обрывая большой календарь,
 сокращая словарь,
 пополняет свой bestiарий.

6. ЗНАЧИТ, ЭТО ВЕСНА

Песни счастливой зимы
на память себе возьми,
чтоб вспоминать на ходу
звуков их глухоту:
местность, куда, какмышь,
быстрый свой бег стремишь,
как бы там ни звалась,
в рифмах их улеглась.

Так что, вытянув рот,
так ты смотришь вперед,
как глядит в потолок,
глаз пыля, ангелок.
А снаружи – в провал –
снег, белей покрывал
тех, что нас занесли,
но зимы не спасли.

Значит, это весна.
То-то крови тесна
вена: только что взрежь,
море ринется в брешь.
Так что – виден насквозь
вход в бессмертие врозь,
вызывающий грусть,
но вдвойне: наизусть.

Песни счастливой зимы
на память себе возьми.
То, что спрятано в них,
не отыщешь в иных.
Здесь, от снега чисты,
воздух секут кусты,
где дрожит средь ветвей
радость жизни твоей.

7. МАРТ

Дни удлиняются. Ночи
становятся все короче.
Нужда в языке свечи
на глазах убывает,
все быстрее остывают
на заре кирпичи.

И от снега до боли
дни бескрайней, чем поле
без межи. И уже
ни к высокому слогу,
ни к пространству, ни к Богу
не прибьется душе.

И не видит предела

своим движениям тело.
Только изгородь сна
делит эти уголья
ради их плодородья.
Так приходит весна.

8. МЕЖ ГОЛОСОМ И ЭХОМ

В деревне, затерявшейся в лесах,
таращусь на просветы в небесах –
когда же загорятся Ваши окна
в небесных (москворецких) корпусах.

А южный ветер, что облака несет
с холодных нетемнеющих высот,
того гляди, далекой Вашей музы
аукающий голос донесет.

И здесь, в лесу, на явном рубеже
минувшего с грядущим, на меже
меж Голосом и Эхом – все же внятно
я отзовусь – как некогда уже,

не слыша очевидных голосов,
откликнулся я все ж на чей-то зов.
И вот теперь туда бреду безмолвно
среди людей, среди рек, среди лесов.

9. НАТУРАЛЬНАЯ ТЬМА

В темноте у окна,
на краю темноты
полоса полотна
задевает цветы.
И, как моль, из угла
устремляется к ней
взгляд, острее, чем игла,
хлорофилла сильней.

Оба вздрогнут – но пусть:
став движеньем одним,
не угроза, а грусть
устремляется к ним,
и от пут забытья
шорох век возвратит:
далеко до шитья
и до роста в кредит.

Страсть – всегда впереди,
где пространство мельчит.
Сзади прялкой в груди
Ариадна стучит.
И в дыру от иглы,
притупив острие,
льются речки из мглы,

проглотившей ее.

Засвети же свечу
или в лампочке свет.
Темнота по плечу
тем, в ком памяти нет,
кто, к минувшему глух
и к грядущему прост,
устремляет свой дух
в преждевременный рост.

Как земля, как вода
под небесною мглой,
в каждом чувстве всегда
сила жизни с иглой.
И, невольным объят
страхом, вздрогнет, как мышшь,
тот, в кого ты свой взгляд
из угла устремишь.

Засвети же свечу
на краю темноты.
Я увидеть хочу
то, что чувствуешь ты
в этом доме ночном,
где скрывает окно,
словно скатерть с пятном
темноты, полотно.

Ставь на скатерть стакан,
чтоб он вдруг не упал,
чтоб сквозь стол-истукан,
словно соль, проступал,
незаметный в окно,
ослепительный Путь –
будто льется вино
и вздымается грудь.

Ветер, ветер пришел,
шелестит у окна.
Укрывается ствол
за квадрат полотна.
И трепещут цветы
у него позади
на краю темноты,
словно сердце в груди.

Натуральная тьма
наступает опять,
как движение ума
от метафоры вспять,
и сиянье звезды
на латуни осей

глушит звуки езды
по дистанции всей.

10. СВЯЗУЮЩЕЕ ЛЕГКОЕ ЗВЕНО

Твой локон не свивается в кольцо,
и пальца для него не подобрать
в стремлении очерчивать лицо,
как ранее очерчивала прядь,
в надежде, что нарвался на растяп,
чьим помыслам стараясь угодить,
хрусталик на уменьшенный масштаб
вниманья не успеет обратить.

Со всей неумолимостью тоски,
с действительностью грустной на ножах,
подобье подбородка и виски
большим и указательным зажав,
я быстро погружаюсь в глубину,
особенно устами, как фрегат,
идуший неожиданно ко дну
в наперстке, чтоб не плавать наугад.

По горло или все-таки по грудь
хрусталик погружается во тьму,
но дальше переносицы нырнуть
еще не удавалось никому.
Какой бы ни почувствовал рывок
надежды, но (подальше от беды)
всегда серо-зеленый поплавок
выскакивает к небу из воды.

Ведь каждый, кто в изгнании тосковал,
рад муку, чем придется, утолить
и первый подвернувшийся овал
любимыми чертами заселить.
И то уже удваивает пыл,
что в локонах покинутых слились
то место, где их Бог остановил,
с тем краешком, где ножницы прошлись.

Ирония на почве естества,
надежда в ироническом ключе,
колеблема разлукой, как листва,
как бабочка (не так ли?) на плече:
живое или мертвое, оно,
хоть собственными пальцами творим, —
связующее легкое звено
меж образом и призраком твоим.

11. ЧЕРЕЗ ДВА ГОДА

Через два года
высохнут акации,
упадут акции,

поднимутся налоги.
 Через два года
 увеличится радиация.
 Через два года.
 Через два года.

Через два года
 истреплются костюмы,
 перемелем истины,
 переменим моды.
 Через два года
 изнаются юноши.
 Через два года.
 Через два года.

Через два года
 поломаю шею,
 поломаю руки,
 разобью морду.
 Через два года
 мы с тобой поженимся.
 Через два года.
 Через два года.

12. ПРОРОЧЕСТВО

Мы будем жить с тобой на берегу,
 отгородившись высоченной дамбой
 от континента, в небольшом кругу,
 сооруженном самодельной лампой.
 Мы будем в карты воевать с тобой
 и слушать, как безумствует прибой,
 покашливать, вздыхая неприметно,
 при слишком сильных дуновеньях ветра.

Я буду стар, а ты — ты молода.
 Но выйдет так, как учат пионеры,
 что счет пойдет на дни — не на года, —
 оставшиеся нам до новой эры.
 В Голландии своей наоборот
 мы разведем с тобою огород
 и будем устриц жарить за порогом
 и солнечным питаться осьминогом.

Пускай шумит над огурцами дождь,
 мы загорим с тобой по-эскимосски,
 и с нежностью ты пальцем проведешь
 по девственной, нетронутой полоске.
 Я на ключицу в зеркало взгляну
 и обнаружу за спиной волну
 и старый гейгер в оловянной рамке
 на выцветшей и пропотевшей лямке.

Придет зима, безжалостно крутя

осоку нашей кровли деревянной.
 И если мы произведем дитя,
 То назовем Андреем или Анной.
 Чтоб, к сморщенному личику привит,
 не позабыт был русский алфавит,
 чей первый звук от выдоха продлится
 и, стало быть, в грядущем утвердится.

Мы будем в карты воевать, и вот
 нас вместе с козырями отнесет
 от берега извилистость отлива.
 И наш ребенок будет молчаливо
 смотреть, не понимая ничего,
 как мотылек колотится о лампу,
 когда настанет время для него
 обратно перебраться через дамбу.

13. НАПОЛОВИНУ

Зажегся свет. Мелькнула тень в окне.
 Распахнутая дверь стены касалась.
 Плафон качнулся. Но темней вдвойне
 тому, кто был внизу, все показалось.
 Была почти полночная пора.
 Все лампы, фонари – сюда сбежались.
 Потом луна вошла в квадрат двора,
 и серебро, и жёлтый свет смешались.
 Свет засверкал. Намек на сумрак стерт.
 Но хоть обрушь прожекторов лавину,
 А свет всегда наполовину мертв,
 как тот, кто освещен наполовину.

14. НОЧЬ

Тебе, когда мой голос отзвучит
 настолько, что ни отклика, ни эха,
 а в памяти – улыбку заключит,
 затянутая воздухом прореха,
 и жизнь моя за скобки век, бровей
 навеки отодвинется, пространство
 зрачку расчистив так, что он ей-ей,
 уже простит (не верность, а упрямство),

- случайный, сонный взгляд на циферблат
 напомнит нечто, тикавшее в лад
 невесть чему, сбивавшее тебя
 с привычных мыслей, с хитрости, с печали,
 куда-то торопясь и торопя
 настолько, что порой ночами
 хотелось вдруг его остановить
 и тут же – переполненное кровью,
 спешившее, по-твоему, любить,
 сравнить – его любовь с твоей любовью.

И выдаст вдруг тогда дрожанье век,
 что было не с чем сверить этот бег, -
 как твой брегет – а вдруг и он не прочь
 спешить? И вот он полночь брякнет...
 Но темнота тебе в окошко звякнет
 и подтвердит, что это вправду ночь.

15. АРИФМЕТИКА

Ты знаешь, с наступленьем темноты
 пытаюсь я прикидывать на глаз,
 отсчитывая горе от версты,
 пространство, разделяющее нас.

И цифры как-то сходятся в слова,
 откуда приближаются к тебе
 смятенье, исходящее от А,
 надежда, исходящая от Б.

Два путника, зажав по фонарю,
 одновременно движутся во тьме,
 разлуку умножая на зарю,
 хотя бы и не встретившись в уме.

16. УСТАЛОСТЬ

Я не то что схожу с ума, но устал за лето.
 За рубашкой в комод полезешь, и день потеряю.
 Поскорей бы, что ли, пришла зима и занесла все это –
 города, человеков, но для начала зелень.
 Стану спать не раздевшись или читать с любого
 места чужую книгу, покамест остатки года,
 как собака, сбежавшая от слепого,
 переходит в положенном месте асфальт. Свобода –
 это когда забываешь отчество у тирана,
 а слюна во рту слаще халвы Ширази,
 и, хотя твой мозг перекручен, как рог барана,
 ничего не каплет из голубого глаза.

17. НЕЛЬЗЯ УДЕРЖАТЬ ТЕПЛО

Она надевает чулки, и наступают осень;
 сплошной капроновый дождь вокруг.
 И чем больше асфальт вне себя от оспин,
 тем юбка длинней и острее каблук.
 Теперь только двум колоннам белеть в исподнем
 неловко. И голый портик зарос. С любой
 точки зрения, меньше одним Господним
 Летом, особенно — в нем с тобой.
 Теперь если слышится шорох, то — звук ухода
 войск безразлично откуда, знамен трепло.
 И лучше окликнуть по имени время года,
 если нельзя удержать тепло.
 Но, видно, суставы от клавиш, что ждут бемоля,
 себя отличить не в силах, треща в хряще.
 И в форточку с шумом врывается воздух с моря —

оттуда, где нет ничего вообще.

18. ВЕЧЕР

Как славно вечером в избе,
запутавшись в своей судьбе,
отбросить мысли о себе
и, притворясь, что спишь,
забыть о мире сволочном
и слушать в сумраке ночном,
как в позвоночнике печном
разбушевдалась мышь.

Как славно вечером собрать
листки в случайную тетрадь
и знать, что некому соврать:
"низвергнут!", "вознесен!".
Столпотворению причин
и содержательных мужчин
предпочитая треск лучин
и мышеловки сон.

С весны не топлено, и мне
в заплесневелой тишине
быстрее закутаться в кашне,
чем сердце обнажить.
Ни своенравный педагог,
ни группа ангелов, ни Бог,
перешагнув через порог
нас не научат жить.

19. ОСЕНЬ

Осень оголенность тополей
раздвигает коридор аллея
в нашем не-именьи. Ставни бьются
друг о друга. Туч невпроворот,
солнце забуксует. У ворот
лужа, как расколотое блюдце.

Спинка стула, платица без плеч.
Ни тебя в них больше не облечь,
ни сестер, раздавшихся за лето.
Пальцы со следами до-ре-ми.
В бельэтаже хлопают дверьми,
будто бы палят из пистолета.

И моя над бронзовым узлом
пятерня, как посуху веслом.
«Запираем» – кличут – «Запираем!»
Не рыдай, что будущего нет.
Это – тоже в перечне примет
места, именуемого Раем.

Запрягай же, жизнь моя сестра,

в бричку яблонь серую. Пора!
 По проселкам, перелескам, гатям,
 За семь верст некрашенных и вод,
 К станции, туда, где небосвод
 заколочен досками, покатым.

Ну, пошел же! Шляпу придержи
 да под хвост не опускай вожжи.
 Эх, целуйся, сталкивайся лбами!
 То не в церковь белую к венцу –
 прямо к света нашего концу,
 точно в рощу вместе за грибами.

20. ЗАРЕШЕЧЕННАЯ ТЮРЬМА

Шум ливня воскрешает по углам
 салют мимозы, гаснущей в пыли.
 И вечер делит сутки пополам,
 как ножницы восьмерку на нули,
 и в талии сужает циферблат,
 с гитарой его сходство озарив.
 У задержавшей на гитаре взгляд
 пучок волос напоминает гриф.

Ее ладонь разглаживает шаль.
 Волос ее коснуться или плеч –
 и зазвучит окрепшая печаль;
 другого ничего мне не извлечь.
 Мы здесь одни. И, кроме наших глаз,
 прикованных друг к другу в полутьме,
 ничто уже не связывает нас
 в зарешеченной наискось тюрьме.

21. ПЕРЕГОРОДКА

Сумев отгородиться от людей,
 я от себя хочу отгородиться.
 Не изгородь из тесаных жердей,
 а зеркало тут больше пригодится.
 Я созерцаю хмурые черты,
 щетину, бугорки на подбородке...

Трельяж для разводящейся четы,
 пожалуй, лучший вид перегородки.
 В него влезают сумерки в окне,
 край пахоты с огромными скворцами
 и озеро — как брешь в стене,
 увенчанной еловыми зубцами.

Того гляди, что из озерных дыр
 да и вообще — через любую лужу
 сюда ползет посторонний мир.
 Иль этот уползет наружу.

22. ТАК ДОЛГО ВМЕСТЕ

Так долго вместе прожили, что вновь
второе января пришлось на вторник,
что удивленно поднятая бровь,
как со стекла автомобиля — дворник,
с лица сгоняла смутную печаль,
незамутненной оставляя даль.

Так долго вместе прожили, что снег
коль выпадет, то думалось — навеки,
что, дабы не зажмуривать ей век,
я прикрывал ладонью их, и веки,
не веря, что их пробуют спасти,
метались там, как бабочки в горсти.

Так чужды были всякой новизне,
что тесные объятия во сне
бесчестили любой психоанализ;
что губы, припадавшие к плечу,
с моими, задувавшими свечу,
не видя дел иных, соединялись.

Так долго вместе прожили, что роз
семейство на обшарпанных обоях
сменилось целой рощею берез,
и деньги появились у обоих,
и тридцать дней над морем, языкат,
грозил пожаром Турции закат.

Так долго вместе прожили без книг,
без мебели, без утвари, на старом
диванчике, что — прежде, чем возник —
был треугольник перпендикуляром,
восставленным знакомыми стоймя
над слившимися точками двумя.

Так долго вместе прожили мы с ней,
что сделали из собственных теней
мы дверь себе — работаешь ли, спишь ли,
но створки не распахивались врозь,
и мы прошли их, видимо, насквозь
и черным ходом в будущее вышли.

23. ГРУСТЬ

Я слышу не то, что ты мне говоришь, а голос.
Я вижу не то, во что ты одета, а ровный снег.
И это не комната, где мы сидим, но полюс;
плюс наши следы ведут от него, а не к.

Когда-то я знал на память все краски спектра.
Теперь различаю лишь белый, врача смутив.
Но даже ежели песенка вправду спета,
от нее остается еще мотив.

Я рад бы лечь рядом с тобою, но это — роскошь.
Если я лягу, то — с дерном заподлицо.
И всхлипнет старушка в избушке на курьих ножках
и сварит всмятку себе яйцо.

Раньше, пятно посадив, я мог посыпать щелочь.
Это всегда помогало, как тальк прыщу.
Теперь вокруг тебя волнами ходит сволочь.
Ты носишь светлые платья. И я грущу.

24. ЭЛЕГИЯ

Подруга милая, кабак все тот же.
Все та же дрянь красуется на стенах,
все те же цены. Лучше ли вино?
Не думаю; не лучше и не хуже.
Прогресса нет. И хорошо, что нет.

Пилот почтовой линии, один,
как падший ангел, глушит водку. Скрипки
еще по старой памяти волнуют
мое воображение. В окне
маячат белые, как девство, крыши,
и колокол гудит. Уже темно.

Зачем лгала ты? И зачем мой слух
уже не отличает лжи от правды,
а требует каких-то новых слов,
неведомых тебе — глухих, чужих;
но быть произнесенными могущих,
как прежде, только голосом твоим.